

ФЕЙКИ

КОММУНИКАЦИЯ, СМЫСЛЫ
И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

А л е т е й я

**Григорий Львович Тульчинский
Никита Артурович Пробст
Жанна Ромуальдовна Сладкевич
Сурен Тигранович Золян
Фейки: коммуникация,
смыслы, ответственность**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65170201

Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность:

ISBN 978-5-00165-301-1

Аннотация

В коллективной монографии предпринята попытка междисциплинарного анализа коммуникативно-цивилизационной природы феномена фейков и постправды, включая оценочно-эмоциональные факторы в формировании и динамике смысловой картины мира, с учетом современных медийных технологий. Детально рассмотрены семантика и прагматика фейков, их зависимость от целевых контекстов, социально-культурных практик, порождение и применение фейков в сетевой коммуникации, конфликтах исторической памяти и информационных войнах. Специальное внимание уделяется персонологическому измерению фейков, дисбалансу между правами, свободой и ответственностью в публичной

коммуникации. Тем самым акцент в осмыслении фейков переносится с оценки истинности на отношение к истине, на ответственность за «взятие слова».

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг интересующихся проблемами современных социальной коммуникации.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**С. Т. Золян, Н. А. Пробст,
Ж. Р. Сладкевич,
Г. Л. Тульчинский
Фейки: коммуникация,
СМЫСЛЫ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**

© С. Т. Золян, Н. А. Пробст, Ж. Р. Сладкевич, Г. Л. Туль-
чинский, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Предисловие

«Фейки» (fakes), связанные с ними представления о «постправде» (post-truth) – тематика, без которой невозможно обойтись при попытках осмысления современной публичной коммуникации, медийного пространства, политических технологий. Этим феноменам, объяснению их природы, способам борьбы с ними или хотя бы – нейтрализации, посвящаются специальные конференции, законодательные и другие нормативные инициативы. Однако технологии создания, каналы трансляции фейковой информации расширяются и ветвятся, проблема осознается как все более глубокая и далекая от разрешения.

Авторы данной монографии не пытаются найти окончательное решение проблемы фейков. Любые попытки лечения должны опираться на как можно более полную симптоматику, по возможности точный диагноз и анамнез – как уяснение факторов, условий, порождающих дискомфорт, раздражающих своей непонятностью и нежелательными следствиями явлений, историю их развития. А фейки порождают весьма явную осязаемую симптоматику – не только когнитивный, но и правовой. И самое неприятное в истории с ними, что поспешные правовые решения принимаются без внятного понимания как природы, причин фейков, так и последствий их распространения. А применение фейков распро-

страняется все шире: недобросовестная реклама и пропаганда, политическая и экономическая конкуренция, медийные ресурсы, СМИ, блогеры и журналисты в погоне за хайпом, сомнительные эксперты и пророки – несть им числа. Историки обнаруживают фейки у истоков ставших каноническими традиций.

Данная монография открывается материалом круглого стола, в котором приняли участие историки, коммуникативисты, лингвисты, социологи, философы, фактически – междисциплинарного мозгового штурма с целью выявить возможные подходы, измерения, в которых можно рассматривать фейки, чтобы выстроить, по возможности, полное «стереометрическое» представление об этом феномене. Такое рассмотрение позволило далее перейти к анализу коммуникативно-цивилизационной природы фейков, таких как оценочно-эмоциональные факторы в формировании и динамике смысловой картины мира, институционализации этих факторов в современных медийных технологиях. Следующим шагом стало детальное рассмотрение семантики и прагматики фейков, их зависимости от целевых контекстов, социально-культурных практик. Рассмотрение технологий и применений фейков (от литературного творчества и социальных сетей – до конфликтов исторической памяти и информационных войн), выявляет весьма неординарное персоналогическое измерение фейков, дисбаланс между правами, свободой и ответственностью в публичной коммуника-

ции, возрастающий в этих условиях запрос не только и не столько на социальный контроль, сколько на личностную ответственность. Тем самым акцент в осмыслении фейков переносится с оценки истинности на отношение к истине, на феномен «взятия слова» и ответственности за высказанное.

Книга продолжает серию коллективных монографий, подготовленных международным коллективом авторов, сотрудничающих с 2018 года в исследовательском проекте «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках», реализуемым под руководством С.Т. Золяна на базе Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта и поддержанным грантом Российского научного фонда № 18-18-00442. Ранее были подготовлены монографии «Между миром и языком: текст и смысл в коммуникативном контексте» и «Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования».

Авторы приносят глубокую и искреннюю благодарность редакциям журналов «Медиалингвистика», «Наследие», «Неприкосновенный запас», «Общество. Коммуникация. Образование», «Публичная политика», «Слово. ru. Балтийский акцент», «Человек. Культура. Образование», «Иностранные языки в высшей школе», «Przegląd Rusycystyczny», «Russian Journal of Communication», в которых были опубликованы первые версии ряда текстов и фрагментов, вошедших в данную книгу. Авторы признательны также маги-

странтам межкампусного курса НИУ «Высшая школа экономики» «Публичная коммуникация: технологии и оценка эффективности» за участие в анализе ряда фейк-кейсов. В подготовке книги к изданию важное участие принимала преподаватель Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта Т.В. Белецкая.

Авторство текста монографии распределено следующим образом:

Золян С.Т. – Раздел 5.1.

Пробст Н.А. – Раздел 4.3.

Сладкевич Ж.Р. – Глава 2 (введение); разделы 3.2; 4.1.

Тульчинский Г.Л.-Предисловие; главы 1; 2; разделы 3.1; 3.3; 4.2; 5.2; Заключение.

Вступление: фейки – тексты, смыслы, люди¹

Золян С.Т.: Коллеги, поскольку тема фейков необъятна, попробуем очертить рамки нашей дискуссии. Мы попытаемся рассмотреть проблему фейков как логико-семантическое и прагмасемантическое явление. Начнем с самых простых допущений. Если под фейком понимать нечто ложное, несоответствующее действительности, то определим фейк как высказывания, не соответствующие истине. Но даже в этом случае оказывается возможны три определения фейковости – в зависимости от того, какую из трех концепций истинности мы выберем: корреспондентную, согласно которой истинность высказывания определяется соответствием действительности, или – когерентную, в которой определя-

¹ Содержание этого раздела составляют материалы круглого стола, состоявшегося 06.07.2019 г. в г. Светлогорске Калининградской области в рамках проекта № 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках (применительно к авто- и мета-репрезентациям «себя» и «другого» в социальной и политической коммуникации)». В обсуждении, помимо авторов монографии, приняли участие другие члены исследовательского коллектива: В.Е. Чернявская, А.А. Тесля, В.Э. Согомонян, С.Ю. Куликов, а также приглашенный эксперт М.В. Ильин.

ющим фактором оказывается непротиворечивость и соответствие формам определённого дискурса. И, наконец, есть прагматическая теория истины, согласно которой истина то, что, согласуясь с практикой, в данном случае приносит нам выгоду, или, по крайней мере, помогает выжить. Разумеется, на основе этих трех основных подходов возможны различные варианты. На основе каждой из этих концепций истины можно дать определение фейковости: это несоответствие действительности, несоответствие дискурса и несоответствие тому, что нам выгодно. Это, если связывать фейковость с содержанием информации. Заметим, что второй и тем более третий подходы релятивизируют само понятие истины, поэтому, применительно к этим концепциям, не может быть независимой от контекста универсальной и единственной истины. Место истины занимают различные «правды» и даже «постправды». Безусловно, это сильно подрывает возможность найти универсальное определение фейковости: если нет универсального определения истинности, то не может быть и подобного определения ложности.

Ситуация еще более осложняется, если учитывать, что фейковость распространяется не только на содержание сообщения, но и на фактор отправителя (автора, адресата, говорящего). Фейковым будет несоответствие между тем, кто реальный автор высказывания, и кому оно приписано. Казалось бы, это логичная схема, но она оказывается неадекватной для определения явления фейковости. Проблема в том,

что существует огромное количество текстов, в которых все эти несоответствия наличествуют, но мы их фейками не считаем. Стало быть, есть некоторые дополнительные характеристики, по которым принято выделять фейки. Авторство непосредственно связано с каналом передачи информации, и здесь с незапамятных времен существует разграничение между каналами, внушающими доверие и таковыми не являющимися.

Таким образом, уже в первом приближении мы выделяем три группы факторов несоответствия; они связаны с содержанием информации, отправителем сообщения и каналом.

Белецкая Т.В.: У меня вопрос для понимания, ставим ли мы знак равенства между ложью и фейковостью?

Золян С.Т.: Это и есть вопрос, который нам предстоит рассмотреть. Очевидно, что не всякая ложь есть фейк. Например, когда подсудимый пытается обмануть суд, а политик – избирателей, мы назовем это ложью, но не фейком. Не назовем фейком ни лжесвидетельство, ни самого лжевсвидетеля – а именно так, как их и принято называть. Я бы вопрос поставил так: какие дополнительные условия требуются, чтобы некоторое сообщение или его отправитель были признаны «фейками»? Заметим, что это крайне важно и с практической точки зрения, поскольку связано с попытками правового регулирования этой проблемы. Во всём мире идёт борьба с фейками, и все пытаются издать законы, которые их запрещают, но при этом непонятно, а что же такое «фейк». В

Армении в 2019 г. дело дошло до того, что Премьер поручил главе службы нацбезопасности бороться с фейками, имея в виду адресантов, на что тот ответил, что по закону он может бороться не с фейками, а с высказываниями, которые разжигают ненависть, рознь и прочие запрещенные темы, независимо от того стоит за этим реальный автор или же фейк. А то получалось, что все, что не соответствует официальному дискурсу, должно рассматриваться как фейк, поскольку есть клевета и попытка опорочить действующую власть.

Примерно такие же дебаты ведутся и относительно фейков применительно к российскому законодательству. Но, как видим, никому пока в голову не приходило ввести уголовную ответственность за распространение ложных высказываний. Чтобы назвать фейк ложью, нам потребуется занять позицию субъекта, который знает, что такое истина, или по крайней мере, способен определить истинностное значение предъявляемых ему высказываний. Но даже если предположить наличие подобного субъекта, вопрос упирается в самую суть речевого акта, поскольку интуитивно ясно, то определяющим для фейковости оказывается некоторое нарушенное отношение между, с одной стороны, содержанием сообщения и его отправителем, с другой – отношения между отправителем сообщения и его интенциями и пропозиционными установками (например, соответствие содержание тому, что отправитель считает истинным – почему и уголовному преследованию подлежит распространению заведомо

ложных сведений). Но что значит «заведомо» – не подпадают ли под эту статью все писатели?

Подобно понятию истины (даже если мы ограничиваемся истинностью как характеристикой высказывания), понятие говорящего речевого акта также многослойно – между собственно высказыванием и его производителем может стоять цепочка передатчиков. Определенные сдвиги в этой цепочке могут приводить к фейковости, но и здесь следует отличать сдвиги, приводящие к фейковости, и те, которые имеют иной эффект. Поэтому под фейками понимают не только сами «несоответствующие» сообщения, но и их производителя. Так что фейки – это не только тексты, но и люди, когда возникает разрыв между тем индивидом, кто реально производит высказывание, и тем лицом, кому оно приписывается. Возможность подобного раздвоения на автора и тему высказывания заложена в самой структуре речевого акта, она наличествует в любом высказывании от первого лица. «Я1 говорю, что Я2 был на концерте», где первое «я» – это говорящий, второе «я» – тема высказывания. Предполагается тождество между субъектом и темой: я-тот-который-говорю есть тот-который-был-на-концерте. Первое «я» – автор высказывания, второе – его тема. Нарушение этого тождества ведет ко лжи («Я1 не был вчера на концерте»), почему этот случай можно считать примером фейковой новости.

Однако не все подобные сдвиги приводят ко лжи. Уже в структуре высказывания заложено возможное несоответ-

ствие между двумя этими «Я». Это может обыгрываться в художественных произведениях: например, «Я убит подо Ржевом». Естественно, что если я убит подо Ржевом, то я вам не могу сейчас говорить об этом. В речевом акте возможно расщепление собственно говорящего и повествователя, собственно говорящего и автора (в случае цитации – Я, Сурен Золян, высказываю то, что ранее сказал Твардовский). Подобные ситуации часто используются в художественной литературе. Например, авторство Пушкина в «Повестях Белкина». – Пушкин (якобы) только публикует написанное Белкиным; в свою очередь, Белкин передает авторство рассказчикам, от которых он якобы слышал эти рассказы. Выстраивается целая цепочка говорящих, но это не приводит к фейковости. От вымышленных рассказчиков отличен случай псевдонима – само слово показывает, что используется ложное имя, но это так же явление не принято рассматривать как фейк.

Возможны искажения и при передаче чужого слова, когда нарушается соответствие между авторством и содержанием высказывания. Например, я читаю студентам лекцию о системности языка, воспроизвожу сказанное Соссюром, но говорю от своего имени. Или обратный случай: во время этой лекции приписываю Соссюру высказывания, которые он не говорил. Становлюсь ли я в этих случаях фейком? Подобные случаи могут быть названы «плагиатом», могут – «отсебятиной», но вряд ли их назовут фейками. Между тем, рассказ о

событиях, относительно которых говорящий не был очевидцем, всегда есть пересказ – пусть даже на это не указывается в самом высказывании. «Волга впадает в Каспийское море» – сам я этого не видел, но воспроизвожу сказанное кем-то. Кого я не знаю.

Итак, несоответствие цепочки говорящих и сказанного – также может приводить, но не всегда приводит к фейковости. Цепочка передатчиков – это еще и канал, по которому передается сообщение. Часто, и не только в романах про двойных шпионов, достоверность сообщения оценивается в соответствии с тем, по какому каналу оно получено, авторитетность канала оказывается существеннее и содержания, и его авторства. Возникают особые маркеры коммуникации, призванные удостоверить аутентичность и достоверность сообщения. Например, письменное сообщение в противоположность устному, напечатанное и подписанное, в отличие от анонимного, наличие печати и т. п.

Само понятие текста в его социо-культурном измерении может быть поставлено в зависимость от достоверности – все недостоверное, пусть даже и при наличии лингвистических характеристик текстуальности, функционирует не как текст, а именно как фейк (например, анонимка).

Ситуация еще более усложнится, если будет введено понятие модальности. То, что позволено автору-новеллисту, не позволено автору-хроникеру. Есть сферы, где можно писать о возможных ситуациях, и где это не позволено, как

в знаменитом определении Аристотеля – историк рассказывает о происшедшем, поэт – о том, что могло бы произойти. В каких случаях, говоря о социальном воображаемом, мы не попадаем в зону фейковости? В конце концов, возможно, в духе Льва Толстого или Карла Маркса, объявить государственные институты ложными и результатами «ложного сознания». С другой стороны, «потемкинские деревни» при всей своей «фейковости» были реальными материальными объектами, знаками настоящих деревень.

И, наконец, это понятие контекста. Когерентная и прагматические концепции истины предполагают контекстуализацию, которая, очевидно, может быть должной или же внеположной. Соответственно, коммуникативный контекст предполагает отправителя сообщения, его получателя и канал связи. Все эти факторы объединяются в понятии контекста.

Я склоняюсь к тому, что решение поставленного выше вопроса лежит не в попытках определить должное или недолжное содержание, или же искаженное отношение между автором высказывания и его содержанием. Понятие должной или недолжной контекстуализации позволяет объединить все эти группы факторов. В этом отношении фейки можно сравнить с сорняками – это растение, но выросшее не там, где где мы ему определили расти: не в поле, а в моем огороде. Когда я со своим уставом иду в чужой монастырь, то либо, этот устав просто не смогут прочесть, и это не будет функционировать как текст, либо же прочитают, но уже с точки

зрения соответствия своему уставу.

Тулчинский Г.Л.: В конечном счёте, у нас возникает вопрос достоверности. Фейк – это якобы нечто недостоверное. С другой стороны, всплывают и вопросы о том, что фейк может быть соответствующим и несоответствующим цели, контексту использования.

В этой связи у меня есть несколько уточнений по поводу истины. На самом деле концепций истины гораздо больше. Мы со студентами иногда играем, отвечая на вопрос: «Что есть истина?». Истина – это есть «естина», это то, что есть. То, что есть, то и есть истина. А как мы узнаем, что что-то есть? Если некое высказывание соответствует некой реальности. Высказывание соответствует некой реальности – это теория отражения, или по-зарубежному корреспондентная теория истины. Но тогда возникает вопрос, что такое реальность, которой высказывание должно корреспондировать, или соответствовать, отражать ее? Откуда мы знаем – что такое реальность?

Что такое реальность, мы знаем на основе каких-то предваряющих знаний. В этом случае любой язык описания, в конечном счёте, будет теоретически нагружен. Мы слышим какие-то потрескивания, а кто-то в этом слышит уровень радиации. Это зависит, скажем условно, от уровня теоретических знаний, которые применяются к описанию реальности. Мы можем её не видеть, а ученый, специалист видит эту реальность. Покажи нам некие фотографии, мы скажем, что это

какие-то пятна, а студент-физик скажет, что это фотография из камеры Вильсона, а продвинутый физик скажет, что тут показана траектория движения нейтрино, он её видит. Это все зависит от теоретической нагруженности описания. Мы приходим к врачу и говорим – болит вот-тут и болит так-то. А врач уже начинает писать диагноз конкретной болезни, расстройства конкретных органов.

Тогда получается, что истина – это то, что соответствует каким-то знаниям. И это будет когерентная теория истины.

Когерентность – это соответствие некоему уже имеющемуся корпусу знаний, тогда истина – это то, что не противоречит конкретному знанию, теории. А это уже и логическая теория истины: истина – то, что не противоречит имеющимся знаниям как системе. Дальше получается прагматическая теории истины, потому что работает и приносит пользу то, что непротиворечиво, потому что из противоречивого знания ты не можешь получить схему работающей машины, алгоритма не получается. А это будет уже соответствие некой установке, некой цели данного алгоритма, и тогда истинным будет то, что соответствует цели, соответствует некой ценности. Это уже Гегель, у которого истина – это не то что соответствует реальности, а это то, когда сама реальность соответствует некой идее. Ну, и тогда остается всего шаг, чтобы признать, что, в конечном счёте, выражением истины является индивидуальное знание в духе «аз есмь истина», и у каждого своя точка зрения.

Я сейчас просто эскизно нарисовал траекторию трансформации теории истины, когда вроде бы из предельной объективности она переходит в предельную субъективность. Это я возвращаюсь к той идее, о которой говорил до этого, согласно которой смысл и в том числе представления об истине – это есть выражение жалкого конечного существа, каковым является человек, которому недоступно бесконечное разнообразие мира, и поэтому оно пытается постичь этот мир всегда и неизбежно – с какой-то точки зрения, с какой-то позиции, в каком-то ракурсе, в каких-то целях, в каком-то смысле. Это первый момент.

Получается, что нас может интересовать не проблема истинности и достоверности, а нам нужно признать, что есть разные концепции истины – и их больше, чем три. И нас скорее интересуют текстовые способы смыслообразования уникального неповторимого представления какого-то якобы достоверного знания.

Второе – относительно проблемы авторства возникает масса проблем. Позволю себе тему немного переформатировать, так как понятие авторства на самом деле намного шире. Возьмем высказывание «я был в театре». Во-первых, я или не я? – истина, ложь и неопределённость. Был – как? Возможно я был спокоен или взвинчен, голоден или спяну, я был ещё как-то. Дальше – есть или нет, связка может отрицаться или утверждаться, и там тоже возможен момент неопределённости. И предикативная часть: я был или не был

в театре, не в театре, а где-то ещё, не в театре, а в бане. И там комбинаторически подразумевается, что этих значений – истина, ложь, неопределённость – их получается на порядок больше. Поэтому о достоверности и о критериях этой достоверности можно и нужно говорить отдельно.

Но вот последний вопрос, что может быть все установлено как регламентация, по крайней мере, какой-то части... Был же пример, когда в программу загрузили какие-то данные по химии, и получили на выходе чуть ли не таблицу Менделеева и ещё что-то совершенно нетривиальное, что научное сообщество не признало. Получается, что относительно фейковости решает некое сообщество, которое договорилась это понимать вот так и не иначе. Эта ситуация в науке постоянно воспроизводится и усугубляется.

Поэтому, если нужно определение, то фейковость – это то, что не признается авторитетным сообществом.

Золян С.Т.: Я хотел бы дополнить, что у проблемы достоверности может быть еще один аспект: качества информации. Я общался с коллегой из Белоруссии, который занимается, казалось бы, достаточно специализированной областью, предполагающей строгий контроль над достоверностью информации: автоматизированным поиском информации по космической георазведке. По его словам, информация в этой области растет поистине в космических масштабах, и из них примерно 95 % публикаций он называет фейковыми, потому что всё повторяется, может быть, по тому

же блокчейну. Они их друг от друга перекачивают, создавая видимость науки. На самом деле там нет плагиата, но там и нету новых результатов, это просто перетекание из пустого в порожнее, потому что соответствует общепринятым стандартам. И он называл 95 % этих статей фейковостью не потому, что там что-то неправильно написано, а потому, что они ничего нового не дают, это только затрудняет работу, поскольку дойти до важных 5 % оказывается сложнее. Здесь я не вижу решения, но я бы хотел, чтобы вы отреагировали на его точку зрения. Что он называет фейками? Ими он называет какую-то систему, где взаимно я тебя признаю, и ты меня признаешь, и мы оба уважаемые люди. Я не знаю, станет ли мнение моего коллеги принятым для определения фейков, но его логику я понять могу: канал предполагает претензии на научное открытие (если статья печатается в научном издании), но они оказываются сфальсифицированными: создается видимость открытия. Если ситуацию свести к исходной, ситуации речевого акта, то фейковость можно усмотреть именно в перформативе говорения: «Я сейчас говорю + то, что я сейчас скажу, есть научное открытие».

Тесля А.А.: Возможно, имеет смысл отвлечься от современных реалий и рассмотреть проблему в исторической перспективе. С близкой мне перспективы XIX века, выделю несколько моментов, представляющиеся значимыми в контексте нашего разговора. А именно, во-первых, это сам статус печатного слова, само его восприятие, дистанцирован-

ность, и при этом, во-вторых, вопрос о субъектах – тех, кто с ним работает, то, чего от него ждут – и те, кто воспринимает, и те, кто создают тексты (и здесь уже третий интересный аспект – возникающей на переключении ролей, ведь один и тот же субъект является одновременно и потребителем, и производителем).

То есть, когда мы говорим о фейке, мне кажется очень важный момент – это не столько сам эффект ложности, неверности сообщения, специальной подмены, искажения информации и так далее, и так далее. Всё это мы найдём действительно универсальным. Мы найдём разные способы высказывания, разные способы работы с информацией и, если мы обратимся к тому же самому XIX веку, мы найдём и на русском материале, и, например, на французском, или на английском массу историй про журналистику, про работу журналиста и так далее. Но, при всём при том, там ведь ключевое на чём работает (мне кажется, что это очень верно), чем порождается эффект – это установка на объективность и достоверность. То есть другими словами там это работает не в смысле, что сам журналист соответствует этим критериям. Речь идёт о том, что само сообщение, сам текст функционирует, как долженствующий соответствовать этим представлениям, либо мы его не читаем, либо данное издание утрачивает репутацию.

И в свете этого мне представляется, очень важный феномен фейковости – это то, что для того, кто потребляет, для

нас, как читателей, например, и, соответственно, то, что меняет радикально условия для производителя – это то, что мы читаем, одновременно не имея не просто уверенности в достоверности и объективности, но заранее воспринимая этот источник в том числе, как источник, например, fake news. Что не мешает нам по-прежнему обращаться к нему, не мешает нам одновременно, например, иметь к данному изданию и недоверие – и не просто недоверие, а представление о том, что оно не имеет вообще никакого отношения к реальности. Но при этом одновременно тут же работать с этим, как с некой информацией что-то сообщаемой нам, и отсылать другому, и на этом строить некие свои нарративы уже, в том числе выстраивать сложные нарративные конструкции.

Мне кажется, что вот тут водораздел. Когда мы вообще говорим о феномене фейковости, то это не история про универсальные вещи: про манипуляцию, про искажения, про использования. Это гораздо больше не про того, кто создает сообщения, а про получателей и ситуацию. То есть, мне кажется, фейк – это история, которая возникает исключительно в коммуникации, взаимодействии. Это то, где важен и отправитель, и получатель, и, соответственно, реакция самого получателя в первую очередь, где он не исходит из того, что нечто заведомо не воспринимаемое им, как претендующее на достоверность и объективность, при этом отказывается... То есть, обратите внимание, оно не претендует точно на достоверность и объективность и, при всём при том, оно не

перестаёт функционировать как новости. Оно не перестаёт функционировать как источник неких представлений о реальности, и вот тут, мне думается, очень важный другой выход, если мы говорим уже о совсем поздней модерности. Это то, что у нас происходит со статусом реальности. И здесь тот факт, что фейки работают – это не проблема получателя, а, наоборот, мне кажется, весьма трезвое обращение с информацией – поскольку это остается информацией, и поскольку у нас трансформируется само представление о реальности.

Если мы говорим о материалах XIX века, то там как раз реальность совпадает с объективностью и достоверностью. Здесь, если угодно, реальность многослойна. В реальность входит, в том числе, и представления, и слухи, и то, как другие желают нам показать, предположим, то или иное событие, и, соответственно, то, как мы реагируем на абсолютно вымышленную новость, или на абсолютно вымышленные события, или описание этого события. Это не обязательно история про то, что мы думаем, что это верно, что это истинная повествование. Мы исходим из того, что данное сообщение само по себе тоже является частью реальности. Вот этот способ, например, придумывать события, да, и то, что это событие оказывается здесь придуманным, оно тоже часть вот той коммуникативной реальности и той социальной реальности, в которой мы действуем.

Поэтому, мне кажется, это дает очень важный переход в рамках жёстких онтологий XIX века: если данное сообщение

не соответствует реальности, то оно вообще не имеет статуса реальности – то есть мы вообще его вывели, вообще его не обсуждаем, потому что оно не имеет отношения к действительному ходу вещей. А здесь, в поздней модерности, оказывается, что оно не соответствует вроде бы объективной информации, но при этом оно тоже реальность. И работа наша с fake-news, и наша реакция не является сбоем, не является для нас ошибкой. Более того, нам во многом будет вполне резонно реагировать независимо от того, каково его отношение к объективности, независимо того, как мы понимаем объективность, потому что, как бы мы не понимали объективность, нам будет излишними трудозатратами в действительности разбираться, является ли это сообщение достоверным, потому что мы реагируем на него, как на событие в рамках коммуникации и, следовательно, если мы начнём откатывать его назад, искать первоисточник, собственно говоря... А зачем? Неважно объективно были ли дела так, как говорится, или нет, мы реагируем на новостное сообщение, а не на то, насколько это новостное сообщение достоверно.

Чернявская В.Е.: Но ключевой вопрос: откуда вы знаете и как мы все хотим и можем доказать, что мы реагируем так, а не по-другому?

Тесля А.А.: Естественно, мы можем доказать это. Понятно, что здесь у нас не количественная, а качественная социология. Мы можем доказать это по той же самой модели обращения с подобными сообщениями, например, на Facebook.

Когда достаточно вроде бы уважаемые пользователи, для которых вроде бы важна репутация, тем не менее совершенно свободно апеллируют как реальными сообщениями, так фейками, не на уровне утверждения о том, что это действительно повествование о реальности. В данном случае, поскольку мы говорим о ЛОМах (то есть о лидерах общественного мнения), если они действуют подобным образом, и, если ситуация, когда указывается, что данное сообщение является, вообще-то говоря, не соответствующим объективности, то реакция соответствующего лидера общественного мнения, собственно говоря, окей, но это индикатор.

Ильин М.В.: На самом деле мне кажется, что понятие фейковости – это очень новая вещь, и она совершенно не применима к некоторым другим вещам. Еще до того, как мы начали, Сурен Тигранович задал вопрос о том, не было ли фейков в древнем Риме или ещё где-то и так далее. И вот я думаю, что не было. Тогда я затруднился сразу сказать, сейчас я не затрудняюсь, я хочу сказать, что фейки – это совершенно новая вещь, и она действительно новая, и мне сейчас стало казаться, что мне понятно, почему новая. С этой точки зрения, очень многие документы, которые, ну, просто фундаментальную роль сыграли и продолжают играть, между прочим, например, в политике, в искусстве, в истории и так далее, мы должны были бы назвать фейковым, а на самом деле они более чем достоверные и более чем фундаментальные. Например, Константинов дар. Вот у нас вся рим-

ская иерархия, папа с его Ватиканом и так далее, не могут существовать без Константинова дара, который должен был бы быть с точки зрения, так сказать, высшей логики христианства. Пришлось подделать.

Более того, если мы посмотрим с этой точки зрения, только на политику, то в истории возникновения новых европейских наций полно подделок! Там столько документов, там большая часть документов, якобы исторических – и многие поддельные. Это относится к западноевропейским странам XVII века, XVI века и так далее. Так же и с возникновением новых наций в восточной Европе. Документы подделывались вплоть до XIX века. На самом деле интересно, что если первый случай, то это какие-то сакральные авторитеты, а вот дальше начинаются не сакральный авторитеты. Дальше начинается очень простая вещь, начинается политическая традиция и, так сказать, обычное право, от которого ничего не осталось, но которое нужно подтвердить, например, зафиксировать, что существуют исконные права, определённые, для каких-то сословий или ещё кого-то. Ну, есть эти исконные права, это тоже факт, что они есть, это уже не от уда идёт, это идёт от жизни. Они существуют. А как мы докажем, что они существуют? Приходится кому-то быстро сляпать документ.

Мне очень понравилось то, с чего начал Григорий Львович, с истины. Но истина, если уж это не «естина», то, строго говоря, этимологически, это просто индекс. Тогда сейчас

мы не будем про этимологию. Но истина это индексальная вещь и в этом смысле очень интересна социальная индексальность.

Если истина – это некое наличие в каком-то первичном смысле или уже после многих преобразований, это наличие уже высшим авторитетом демонстрируемое, то это уже неважно, это наличие. Как это наличие можно себе представить? Начинают добавляться разные модальности. Сначала добавляются простые модальности, вроде может ли не может быть наличным. Например, хочу я, чтобы это могло, или не хочу. И потом все больше и больше этих модальности получается, пока не начинается игра с модальностями.

И вот то, что сейчас, Сурен Тигранович сказал по поводу того, что он ничего этого не дает, потому что все это – то же самое, и показывает фейк. Это он совершенно точно сказал, потому что фейк – это действительно нечто наличное, но поданное через целую цепочку модальностей. Вот он фейк и появился, мы нарастили цепочку модальностей, и он оказался дискредитирован, поскольку он весь обусловлен тем, что все эти модальности сработают правильно, а они ещё не могут быть соединены противоречивым образом, модальности не могут исключать друг друга или находиться в каком-то конфликте, вот отсюда и возникает фейк. Вот мне кажется, что вот в этом вся штука.

Зоян С.Т.: Такой вопрос: Псевдо-Дионисий – это фейк или не фейк? Если мы его так и пишем, что он «псевдо».

Тульчинский Г.Л.: Ну какой же он Дионисий, если он Псевдо-Дионисий.

Ильин М.В.: Нет, это уже потом отрегулировали так. Если бы директором был я, если бы я вот этим пользовался, то я оставил бы фейк только вот за этой постмодернистской игрой этих последних двух десятилетий.

Золян С.Т.: Я хочу привести современный пример фейка. Вот на митинге выступает дедушка погибшего солдата и к чему-то призывает, а на самом деле он никакой не дедушка солдата. Да, там стоит такой благообразной старик и от имени дедушки вещает, то есть он псевдо-дедушка.

Ильин М.В.: Но он мог бы быть дедушкой солдата. Мог бы. Вот на этом игра и строится.

Золян С.Т.: А почему тогда Псевдо-Дионисий – не фейк?

Ильин М.В.: Потому что Псевдо-Дионисия открыли классики филологии спустя десять веков.

Тульчинский Г.Л.: Вот ещё один пример. При жизни никакого Владимира Ильича Ленина не было, все тексты, опубликованные при жизни, были подписаны либо «Н. Ленин», либо «Владимир Ульянов» в скобках «Ленин». Владимир Ильич Ленин появился после смерти. До этого были публикации Владимира Ульянова, Н. Ленина, под другими псевдонимами. Его спросили незадолго до смерти: «Как Вас дальше называть? Ульянов или Ленин?» Он сказал: «Ленин». И искусственно появился Владимир Ильич Ленин, которого не было при жизни этого человека. Тогда «Материализм и эм-

пириокритицизм» – фейк или не-фейк?

Ильин М.В.: В моей логике это все же игра модальности. Есть спонтанная игра модальности, если столкнулись две или три модальности, в жизни так бывает, то ничего тут нету фейкового. А если мы специально выстраиваем цепочку модальности, чтобы получить эффект какой-то, я специально это сделал, интенция и у меня такая. Если у меня интенция выстроить вот это и показать, что из-за того, что я добавляю, я вольный и опытный человек, я могу себе позволить модальности выставить и так, и так, то у меня разные вещи получатся. Я ученик Фуко, он первый начал это, а я теперь вам покажу, что Фуко в сравнении со мной ерунда. Он выстроил одну цепочку в одну сторону, а её выстрою в четыре направления. Главное, что я могу, могу все вывернуть наизнанку.

Тулчинский Г.Л.: Если ты пишешь фикшн, то твори, ради Бога, что и делает Виктор Пелевин, который показывает, что никакого американского полёта на Луну не было. Но если ты претендуешь на статус учёного, то в этом случае ты подпадаешь под некоторые критерии сообщества.

Золян С.Т.: Перечисленные случаи они как раз не подпадают под фейк. Есть понятие интенции, злонамеренного обмана, а есть определённые модальности, который определены, которые в рамках определённого жанра являются полностью законными. Поэтому художественный вымысел не считается фейком. Одно дело, когда мы в системе воображае-

мых миров, и там вполне возможно, не нарушая ни законов логики, ни уголовного или какого иного кодекса, переходить, из одного воображаемого мира в другой. Но другое дело, когда мы из системы возможных миров переходим в наш актуальный мир.

Чернявская В.Е.: Ведь всегда в основе всего, в лингвистике текста и текстуальности лежит интенция.

Тульчинский Г.Л.: Вот то, о чем говорил Андрей Александрович, что мы обсуждали... Фейк или не фейк – эта интенция исторична, сегодня это фейк, через десять лет это будет не фейк. Через десять лет, например, будут говорить, что Калининград назван в честь калины, и не просто калины, а жёлтой «Лады-Калины», на который Путин ездил. Сегодня фейк, а завтра не фейк. Сегодня не фейк, а завтра фейк. Кое-кого вынесут из мавзолея, или ещё что-нибудь сделают, и улицу переименуют. Интенция – это исторический момент, и она зависит от исторического контекста.

Золян С.Т.: Фактически, это сужение системы возможных миров. То, что сказал Григорий Львович, это подтверждает. Под возможными мирами я понимаю не потенциально бесконечное множество, как в классической модальной системе С. Крипке, а то, чем реально оперируют в процессе коммуникации – мир, принимаемый за актуальный, и его определенные деонтические (должное – недолжное) и темпоральные альтернативы (прошлое – настоящее).

Тесля А.А.: Мне как раз кажется очень полезным оттолк-

нута от самой идеи «возможных миров» и от того, что мы имеем дело не только с Крипке – можно отослать сначала к К. Попперу с его тремя сферами. И, исходя из моей области компетенции, я присоединяюсь к тезису, согласно которому «фейк» – это всё-таки сугубо историческое понятие. Мне представляется, что для того, чтобы вообще возник «фейк» как феномен, с которым мы работаем, который мы осмысливаем, нам необходимо движение на уровне онтологических представлений, движение истины.

Нам необходимо, чтобы сама прежняя онтологическая матрица расшаталась – соответственно, это все приходит в движение в XIX веке. Если мы говорим о возникновении фейков, то это может быть описано в свете того, что проблематические онтологии перестают быть достоянием интеллектуалов, и они становятся общим (достоянием), а это движение начинается только со второй половины XIX века.

В этом смысле, если мы посмотрим на то, как устроено общественное сознание в первой половине ещё XX века – то обнаружим достаточно наивную и беспроblemную онтологию. Если мы посмотрим на общественное сознание сейчас, то мы увидим, что там множественные онтологии не являются чем-то исключительным, они входят в стандартный интеллектуальный репертуар (не исключая, а сосуществуя с наивными онтологиями – в том числе в рамках сознания конкретного индивида). А там, где у нас возникает вот эта множественность онтологий, там, где у нас возникают вот эти

все пересечения перспектив, тут у нас как раз и возникает фейк. Потому что до этого момента, когда мы имеем дело с прочными онтологиями, там имеем дело, в конце концов, со стремлением всё свести к бинарной схеме истина/ложь. А пространство неопределённости мыслится, именно на данный момент, как состояние непрояснённости. Это затруднение не онтологическое, это затруднение эпистемологическое, не более того.

Понятно, что оно может вообще быть практически не разрешено, но с онтологической точки зрения оно ни на что не влияет. Как только мы переходим к множественным онтологиям, у нас возникает попперовская третья сфера, третья зона, – и дальше уже разрастание в новых координатах, количественный рост. И в этой, новой онтологической рамке – возникает «фейк» в его отличии от «лжи», «обмана» и т. п. феноменов прежней онтологии. Поэтому я полагаю продуктивным рассматривать его сугубо исторически, не универсализировать – поскольку в противном случае онтологические основания оказываются отброшенными.

Чернявская В.Е.: В таком ключе, как обсуждается фейковость, уместно будет принять во внимание понятие медиального формата, который сегодня стал очень активно обсуждаться. Истинность – ложность, было – не было, фейк – не фейк – всё это получает определённость применительно к тому или иному коммуникативному формату, который получает привилегию выдвигать какие-то смыслы и задвигать

другие. Неважно, кто спел песню лучше, а важно, кто спел её по телевизору. Если мы обсуждаем проблему, например, я этим тоже занимаюсь, несовершенно, конечно, но отчасти, лингвистического конструирования прошлого, лингвистические стратегии конструирования того, что было в прошлом, прошлое как настоящее. Скажем, что можно противопоставить высказыванию Барака Обамы: «Мой дедушка освобождал Освенцим»? Информацию, о том, что Освенцим освобождала советская армия, и, следовательно, дедушка Барака Обамы должен был бы быть в рядах советской армии. Он же очевидно имел в виду, что его дедушка освобождал Маутхаузен, потому что это единственный лагерь, который освободила только американская армия. Но здесь выходит, что приоритет права удостоверить истину получает именно медиальный формат, вот этот приоритетный канал сообщения.

Согомонян В.Э.: Я хотел бы сконцентрироваться на понятии события. Вне события ана лиз фейка может быть только субъективен. Как показывает опыт последних лет, современное общество, несмотря на появившуюся впервые в истории доступную возможность верификации, тем не менее продолжает быть институционально предрасположенным к потреблению информации об интересных и сенсационных не-событиях. Как к сплетням. Более того: общество имеет некую допустимость и исчислимую вариабельность разновидностей недействительных событий. По-видимому, есть

некая область псевдо-потенциальных событий, которые то или иное общество условно считает возможными и готово «потреблять» информацию о них в качестве правдивой через публичный дискурс. В обществе существует интенция потребления интересной неправды, выданной за правду и участия в ленивой, не требующей быстрых результатов, но занимательной (как брейн-ринг) игре распознавания – правда эта новость или неправда? Таким образом, на мой взгляд, общество и его представители обладают определенной степенью фейковой интенции, стремления к потреблению событий-фейков (сродни эффекту Барнума – когда людям хочется верить в потенциальную ложь, которая тем не менее создает либо позитивный имидж, либо обрисовывает позитивную перспективу).

В этом контексте, как мне кажется, будет актуальным рассматривать фейк, прежде всего, как ложное событие. Событие, которое не произошло, однако было заявлено в публичном дискурсе неким автором или транслятором как произошедшее. Фейк в его расхожем понимании – есть любое событие публичного дискурса, которое в процессе семиозиса и верификации не обнаруживает референцию к реальности. Не вызывает доверия у адресанта в силу сомнительности определенных его атрибутов, однако, в то же время, не может быть сразу опровергнуто из-за неочевидной ложности.

Ложное событие в силу своего существования задает параметры истинного, так как, бытуя в качестве постоянной

естественной оппозиции к истинному, определяет его атрибутику, стиль и др. То есть адресанту, транслятору надо сообщать об истинном событии таким образом, чтобы оно вдруг не сошло бы за ложное (чтобы модальности сработали бы правильно). И, соответственно, наоборот – автору ложного события надо наделить фейк атрибутами истинности. Фейк – это прежде всего подражание правде, причем подражание, скажем так, талантливое, умелое, мастерское, в обратном случае никакой это не фейк, а обычная ложь (как в известном анекдоте про гомосексуалиста).

Аудитория сообщений (сообщество адресатов в современном обществе) фрагментирована (эксперты-ЛОМы и их умная аудитория, обыватели, молодежь и др.), и каждый из фрагментов идентифицирует правдивость vs ложность сообщений о событиях исходя из разных критериев и атрибутов. Из последних выделяю, например, форму (пост в ФБ, передовица газеты, тв-репортаж), авторитетность автора, надежность источника, эпичная парадоксальность автора (примитивный сюжетный паттерн – шут-Джокер говорит только правду), критерий общедоступности и значимости (если я не общедоступен и не значим, транслируемая мною информация, равно как и созданный мною фейк остается незначимым, недостойным ни внимания, ни верификации).

Рассмотрю уже использованный пример. Дед Обамы освобождал Освенцим – это неправда для эксперта и его умной аудитории. Для них он в лучшем случае мог участво-

вать в освобождении Маутхаузена. Пропозиция этого сообщения – дед президента США освобождал узников фашистского концлагеря – есть правда для остального подавляющего большинства, и это действительно есть правда, а не фейк для них еще и потому, что президент США не стал бы говорить неправду на столь трогательные темы. Здесь можно было бы сказать, что политикам свойственно лгать и что президент Никсон один из самых известных лжецов в истории, но об этом вновь знают эксперты и их умная аудитория.

В итоге, фейк регистрируют эксперты и верификаторы, а подавляющее большинство адресатов ставят знак равенства между фейком и не-фейком. Обратный пример: для верящего в освобождение дедом Обамы Освенцима усредненного обывателя какое-нибудь заурядное заявление того же президента Обамы о том, что он надеется на то, что на заседании ФРС США не будет поднята ставка рефинансирования – чистой воды фейк, ложное событие, потому что «все они одна контора и все это надувательство».

Самый главный вывод из рассмотренного: фейк без возможности верификации и не «обысканный» экспертными системами – это правда (цинично назовем его «дееспособным фейком»), а правда без верификации и анализа эксперта – потенциальный фейк («недееспособная правда»). В сегодняшнем обществе событие как (не-)правду часто конструирует авторитет (автора, транслятора, формы, критика, замалчивающего и т. д.) и (без-)участие эксперта, а не исти-

на.

В этом контексте хотел бы обратиться к феноменам базовой действительности и действительного смысла – существуют ли они в публичном дискурсе объективно? Не являются ли они базовыми и действительными лишь с позиции знающего в самом широком смысле этого слова наблюдателя, при этом находящегося лишь в некоей определенной позиции? Сущностных истин значительно меньше, чем истин существования. Борис Ельцин несколько лет был Президентом России, это сущестна я истина, и дееспособный фейк здесь невозможен. Все остальное – истины существования, из которых могут получиться отменные фейки: пользовался двойником, вел тайные переговоры с Саддамом, хотел сбросить атомную бомбу на Вашингтон – невероятное раздолье для искажения базовой действительности и действительного смысла!

В современном обществе у любого события несколько жизней, и одна из них – обязательно фейк. Очередной парадокс сегодняшнего мира.

Тулчинский Г.Л.: Более того, каждое конечное существо, может в Инстаграм, ВКонтакте, где угодно, представить свою онтологию и что-то утверждать. И потом ещё возникает сообщество. В связи с развитием цифровых технологий коммуникации между правом личности на свободу слова (чреватым разрастанием фейковых новостей, постправды, практиками травли и буллинга) и правом личности на тайну лич-

ной жизни, защиту репутации. Впору вспоминать об античной парресии, которую похоронил М. Фуко. В этом случае акцент переносится с оценки истинности на отношение к истине, на феномен «взятия слова» и ответственности за высказанное, способное вызывать негативную реакцию аудитории – как отдельных адресатов, так и целых сообществ. Таргетирование канала фейка очень важно. В искусстве можно почти все как свободная и провокативная игра смыслов. В науке, в политике – нет. То же происходит, когда информацию, допустимую в ВКонтакте, Твиттере или Спид-инфо публикует ИТАР-ТАСС, а то и МИД.

Чернявская В.Е.: Форма становится фактором выдвижения содержания. Форма в смысле коммуникативного формата. Если раньше, скажем, в XV веке это была книга, то сегодня мы говорим, что это уже связано с другим. Здесь опровержение или продвижения своего контента и своего дискурса уже связано не с доказательностью истины, но с теми медийными ресурсами, которые позволяют овладеть форматом.

Золян С.Т.: Что вы сказали о привилегии продвигать, то это чуть ли не с первобытнообщинного строя у кого-то была привилегия продвижения информации.

Чернявская В.Е.: Но сегодня эта привилегия у коммуникативного канала. И авторитет конструируется, опять же, социальной практикой.

Золян С.Т.: Здесь у нас будет понятие ложного авторите-

та. Для меня информация в Фейсбуке недостоверна, а для кого-то может быть достоверна.

Чернявская В.Е.: Псевдо-, квази-, да, авторитета. В этом случае получается, что ваше слово против моего, и, следовательно, важным будет то, какие ресурсы бросаются на выдвижение позиции. И к тому, что вы говорили: ты профессор – и я профессор, у тебя журнал – и у меня журнал...

Золян С.Т.: А как Вы свяжете уже с ориентацией Бахтина на карнавальность? «Фейковые» короли – шуты (троли) – но все это ради утверждения «не-фейкового» порядка.

Тульчинский Г.Л.: Вот именно – порядка... Шуты, карнавал – это встроенный в культуру взгляд на нее извне, из аута позиции вненаходимости. Всякое осмеяние – контекстуально, выход за рамки системы, взгляд извне. В этом и заключается важность смеховой культуры, позволяющей остраниать профанное. Карнавалы – институционализованные прорывы, окна из профанного в сакральное. Не менее важны были юродивые. Они могли осмеивать традиционно важное, делать то, за что другим рубили головы. Потому что им была доступна эта позиция вненаходимости. А поскольку *absolute Out is God*, их и воспринимали как «божьих людей» (сумасшедшие=божедомцы).

Так что это не фейки, а институционализованные традиционными культурами, регламентированные (время, место, персоны) остранения, освежения смысловых образований. Нынешние же тролли, фейки – не институционализи-

рованы (даже в СССР были специальные жанры эстрады, сатирические журналы – все знали, что это специальные место и время для практики осмеяния, не имеющей отношения к новостям).

А теперь резьбу сорвало. Каждый сам себе шут и юродивый. От пранкера до пресс-секретаря МИД, а то и президента (конечно же – США).

Золян С.Т.: По-моему, естественный переход... Президент (власть) вначале занимает позицию блогера. Затем – тролля. После чего, лишаясь (или же отказываясь от властных атрибутов канала передачи информации (метафизических – они же и магические), становится фейком и источником фейковых новостей и даже событий. Пример: корейские переговоры Трампа, регулярные перформансы («лайвы») Пашиняна и т. п.

Ильин М.В.: А самое ужасное, заключается в том, что у нас уже совершенно политически корректны два принципа о равенстве и суверенитете личности, которые разрушительны с политической точки зрения, во всяком случае, для прав человека, демократии, конституции и т. д. Григорий Львович только что приводил пример, что я могу в Instagram, скажем, если я уверенная личность, и вот сейчас ты можешь мне рассказывать что-то о Крипке, а я скажу, при этом никогда его не читая, свою версию тебе, и представить, что Крипке (Saul Kripke) – это заговор сионистов. И всё.

Куликов С.Ю.: Такого рода высказывания подпадают под

определенные нормы закона.

Золян С.Т.: Но Крипке от этого фейком не станет. Это твое представление.

Ильин М.В.: Нет, это я его создал. Я создал крипковский заговор сионистов. Вот он фейк. И я это все сделал, но я так не считаю, это мой стёб.

Золян С.Т.: Здесь мы переходим к тому, когда говорят различные «Я», и возможно создать фейковое «Я», именно так, как Пушкин создал Белкина. Вспомним парадокс Мура – почему противоречиво высказывание «Идет дождь, но я так не считаю». Любая фраза, которую я сейчас говорю она предполагает пресуппозицию «я считаю» и «я говорю». Но, утверждая, что сейчас идет дождь, я создаю фейковое «я», якобы-говорящего, который якобы считает, что идет дождь. А слушающие не в состоянии распознать, что это не я, а мой фейк.

Если бы ты действительно считал, что теория Крипке – результат заговора сионистов, это не было бы фейком, это было бы твоим мнением. Я считаю, что, допустим, на Луне растут ананасы. Это моё мнение. Но если я так не считаю, тогда я создам какого-то другого «Сурена», который якобы так считает. И вот здесь появляется фейк.

Куликов С.Ю.: С точки зрения криминалистической экспертизы – не сказали фразу «я так считаю» или «это моё мнение», и попали под статью.

Я хотел бы привести историческую мини-справку с точ-

ки зрения компьютерной обработки фейка. Такой хайп насчёт фейка начался относительно недавно. В компьютерной лингвистике он начался где-то в 2001-2002-м годах, когда в Интернете массово стали появляться фейковые отзывы о ресторанах, о книгах, об отелях, обо всём, что угодно. И стали выяснять, как определить, что же является по формальным критериям фейком, выясняли для разных языков, в основном всё делалось на американском варианте английского. Выявили, что в фейковых отзывах другая частота местоимений, текст имеет другую длину, непропорциональная разница между положительной частью и отрицательной, слабая корреляция между оценочной лексикой и звёздочками, которые ставятся [Liu 2015]. Но, строго говоря, это направление сейчас отошло в компьютерной лингвистике на третий или четвёртый план.

Сейчас выделились ровно те три момента, о которых сказал Сурен Тигранович. Первый, это факт-чекинг, проверка достоверности. И сейчас это во многом даже становится неким автоматизированным инструментом для проверки статей в ряде зарубежных издательств типа Блумберга или BBC. Но тех, которые не подпадают под критерии новостных молний, breaking news и так далее, так как них такую проверку провести технически невозможно.

Второй момент, это определение идеологически направленных текстов, что текст написан о каком-то явлении с точки зрения палестинцев, или с точки зрения израильтян, или

с точки зрения демократической партии США или республиканской партии США, и так далее.

И ещё появилось одно понимание, что «фейк – не фейк» – это то, что отражает мою точку зрения или не отражает мою точку зрения. Из известных личностей это чаще всего встречается в высказываниях Дональда Трампа: не нравится мне CNN, FoxNews или ещё что-нибудь – это фейковые новостные агентства; все, что меня устраивает, – это не фейковые. Такой пункт обвинения в фейковости тоже становится мейнстримом в некоем онлайн-медиадискурсе.

Относительно авторства и фейка логика, скорее, будет чуть-чуть другая. Есть автор, есть псевдоним, есть коллективный автор, то, что как раз касается различных аккаунтов, которые ведут большие компании и агентства, и есть аноним, анонимный автор, он тоже имеет какие-то свои свойства и с ними (в отдельных случаях) борются. И также есть у человека может быть условное альтер эго, у человека может быть две три личности, которые ведут себя в медиапространстве по-разному, и с этим тоже большая часть социальных сетей борется. Если, например, с одной фотографии попробовать сделать два или три аккаунта в каком-нибудь Инстаграм или Фейсбук, то, скорее всего, через довольно короткое время все аккаунты будут заблокированы.

Таким образом, с фейками борются на двух уровнях. Первый уровень – это наднациональный уровень, уровень конкретного технического устройства, или социальной сети, или

ресурса, где происходит автоматическая и полуавтоматическая модерация и блокировка фейковых аккаунтов. Может быть, помните, на Фейсбуке после предположительного вмешательства в американские выборы было заблокировано несколько сот тысяч аккаунтов, которые связывали с Россией.

И, второе, в этой связи также происходит законодательное ограничение распространения фейковых новостей. При этом, что подразумевать под фейком, сказать сложно. Например, отечественные закон, который называют «законом о фейковых новостях», и соответствующие ему поправки в административный кодекс. Речь о законе 30 ФЗ, который был одобрен в марте этого года. Его называют «законом о фейковых новостях» в просторечии, в медиадискурсе, даже в такой формулировке задавали вопрос президенту, а на деле он называется ФЗ-30 «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» от 18.03.2019 г. В принципе, он совсем не о фейковых новостях. Он буквально гласит, что за распространение информации, которая порочит органы государственной власти, представителей органов государственной власти и символы Российской Федерации – требуются санкции прокурора или какие-то сходные вещи на блокировку и удаление данного контента. В принципе, тоже отчасти наднациональный принцип.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.